

Старейшее и долгое время единственное медицинское образовательное учреждение Калужской области - Калужский базовый медицинский колледж. Сегодня это - современное образовательное учреждение, в котором учится более 1300 студентов по шести специальностям: фармация, лабораторная диагностика, ортопедическая стоматология, лечебное, сестринское и акушерское дело.

Из архивов: Тяжелым испытанием для учреждения и для всей оккупированной Калуги стала Великая Отечественная война. Здание медицинского техникума было уничтожено...

В эти годы в школе работали П.А. Алексеев, С.М. Федоренко (внутренние болезни), М.С. Попова, В.А. Рожкова (гинекология), Т.В. Путилин, П.А. Ефремов (хирургия), Ю.И. Чудакова (биология), П.С. Попова (математика), А.А. Чиликина (лаборант).

А.А. Горцева.

В июле 1942 года в техникуме состоялся выпуск 240 человек, большинство из которых было направлено на фронт, в тыловые госпитали. За военные годы было подготовлено более 1000 медицинских работников.

Сегодняшние студенты колледжа посвящают стихи своим коллегам тех далёких и сложных лет. Вот такие строчки напечатаны в студенческой газете: Богами и богами здесь были вы! Вы здесь девчонкой пробагали, Студенткой, девушкой шагали И взрослой женщиной шли.

В минувшем, 2014 году Калужскому базовому медицинскому колледжу исполнилось 140 лет. В юбилей своего учебного заведения студенты запечатали в капсулу более 200 записок со своими пожеланиями, раздумьями, мечтами, которая хранится в музее истории колледжа и будет вскрыта через 50 лет.

Благодарен делу за Победу. А знаете ли вы, что значит эти слова? Может быть, в ваше время исполнится моя мечта, и многие болезни перестанут существовать.

А.К. Ерохина.

В июле 1941 года из осажденного фашистами г. Смоленска эвакуировалась Западная станция переливания крови, которая стала 1-й передвижной станцией переливания крови. Руководителем был Киселёв Анатолий Ефимович.

А.Е. Киселёв.

Первой базой этой станции стал г. Сухиничи, где она активно работала около двух месяцев, заготовив более 700 л крови. Осенью 1941 г. 1-я передвижная станция переливания крови перебазировалась в г. Москву, а затем в г. Владимир, где продолжила свою работу.

В мае - июне 1942 г. филиал первой передвижной станции пере-

ливания крови во главе с А.Е. Киселёвым обосновался в г. Калуге, а во Владимире продолжила работу стационарная станция переливания крови (позднее, в 1944 году, приказом нарком здравоохранения передвижной филиал был преобразован в Калужскую областную станцию переливания крови).

Первый руководитель и организатор Калужской СПК - Киселёв Анатолий Ефимович (уроженец д.Борки Мосальского уезда Калужской губернии). В послевоенные годы А.Е. Киселёв работал в Центральном институте переливания крови в г. Москве (ЦИОЛИПК), а в 1962 - 72 гг. руководил этим институтом.

За период июнь 1942-го - июнь 1944 г. в Калуге заготовлено 26,1 т крови.

Многие сотрудники станции сами регулярно сдавали кровь. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 июня 1944 года был учрежден наградный знак «Почётный донор СССР». 12 сотрудников станции были отмечены этой наградой в годы Великой Отечественной войны.

Нередко к ампулам с кровью прилагались письменные обращения доноров к раненым: «В день 25-летия родной Красной Армии отдаю тебе, дорогой защит-

ник Родины, самое ценное - свою кровь. Вместе с ней передаю тебе жагуемую ненависть к врагу. Громи его беспощадно, а мы в тылу отдадим все силы, чтобы скорее приблизить светлый час победы.

Клавя Полякова. Сохранилось поэтическое обращение неизвестного автора к раненым: Вернись ты на поле чести, Пойдешь серым в новый бой, И будем мы сражаться вместе, Ведь кровь моя пойдёт с тобой.

Михаил Васильевич Устрялов родился в 1892 г. в Петербурге в семье врача. В 1900 г. семья Устряловых переехала в Калугу, зная дом, доставшийся в наследство (ныне ул. Первомайская, 39).

За многие годы жизни в Калуге Михаил Устрялов стал известным в городе врачом-психиатром. Местом его постоянной работы была психиатрическая больница, расположенная на окраине Калуги - в посёлке Бухмановка. Испытания, выпавшие на долю Михаила Устрялова, имели трагический исход: арест и расстрел брата Николая и сыновья Наталии, в мае 1943 г. от туберкулёза умирает дочь Михаила Устрялова Нина, сын Лёва вскоре также умирает от туберкулёза легких. Михаил Васильевич не смог пережить смерти дочери и сына. Сам страдальный туберкулёзом, он перестал лечиться и умер в 1944 г. Был похоронен в Ямском кладбище в Калуге.

Дневниковые записи Михаила Васильевича долгие годы хранятся в семье его потомков. Это 11 чернильных тетрадей, в которых он в 1941 г. ежедневно, позднее - эпизодически делал записи обычными чернилами: «Пасмурно, туманное утро. С 4 часов утра стреляют.

Нина Александровна Соколова, урождённая Якимович, родилась в 1920 году в деревне Митино Вяземского района Смоленской области. В 1939 году после окончания Вяземского фельдшерско-акушерского техникума была направлена на работу акушеркой в Передельскую больницу Мельнского района.

Н.А. Соколовой: «Больница мне показалась маленькой: на 25 коек, несколько отделений, роддом. Заведующий - Николай Михайлович Глаголев - почти сразу напугал: пожилкой, строгий, с благородными манерами, сказал, чтобы ни в коем случае не позволяла называть себя Нинкой. Вначале я убираю в палатах, развозила лекарства, вместе со всеми заготавливала сено для лошадей, на которых ездили к больным...»

Летом 1941 г. Н.М. Глаголев был арестован. Все работницы больницы - заместитель заведующего Анастасия Нестеровна Мельникова, старшая акушерка Анна Ивановна Кольцова, нянечки были в шоке. Позже они узнали, что Глаголева расстреляна за контрреволюционную деятельность, впоследствии был смертельно реабилитирован.

А.Н. Мельниковой пришлось брать на себя руководство больницей, А.И. Кольцова ушла на фронт, а Якимович стала негласным заместителем Мельниковой. Третьего октября 1941 г. вражеская авиация недалеко от разъезда Кошники в Иноковском районе обстреляла санитарный поезд, следовавший из Вязьмы в Калугу, и вывела из строя паровоз. Ранены, которые были в состоянии самостоятельно передвигаться, добрались до села Передель Мельнского района. В течение недели работницы Передельской больницы оказывали прибывшим раненым медпомощь, кормили и отправляли их на подводах в Можайский район Московской области.

12 октября, когда гитлеровцы заняли село Передель, в больнице находилось ещё 40 раненых, которые не могли передвигаться. Мельникова распорядилась сжечь всё обмундирование и окровавленные бинты, зарыть в сарае документы красноармейцев, переодеть солдат в крестьянскую одежду. С этого времени в больнице стала действовать подпольная партизанская группа из восьми человек. Возглавляла её 36-лет-

няя фельдшер А. Н. Мельникова. В группу входили фельдшер Н.А. Якимович, Т.И. Корочкова, Е.В. Кабанова, А.И. Погожева, Е.А. Кобелевская, Евдокия и Елизавета Плетневые и другие. Помогала им 14-летняя дочь Мельниковой Ольга. Вначале немцы в больницу навещали редко. Потом стали приходить чаще, подозрительно осматривая палаты. Мельникова, хорошо знавшая немецкий язык, выходила из положения, как могла, объясняя присутствие в больнице то одного, то другого раненого. Легче стало, когда удалось получить пропуск, подписанный самим комендантом. (После освобождения с. Передель нашими войсками у Мельниковой найдут этот пропуск и обвинят в связи с врагом. Спасут её от правды показания бывших раненых.) Затем на двери больницы повесили табличку на немецком и на русском языках: «Внимание! Тиш! Карантин!»

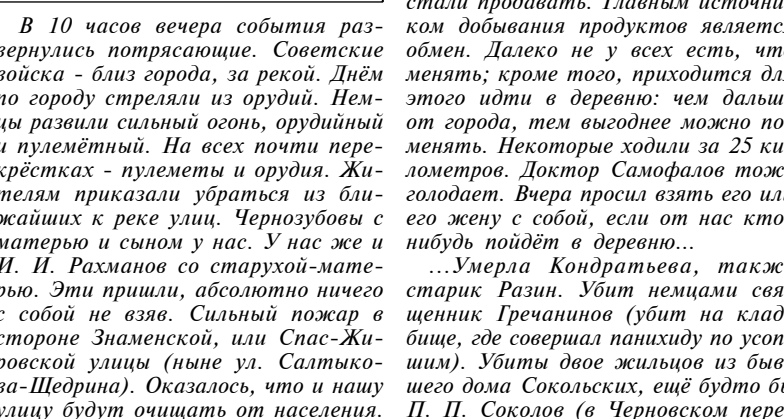
Больничные запасы картошки и крупы иссякли, не было соли, женщины меняли личные вещи в окрестных деревнях на продукты. Старшие дети лежали по домам и просили милостыню, и люди охотно делились с ними, чем могли, так как знали, что собранные кусочки хлеба, картофелины, горстки крупы и муки дети принесут раненым. Да и во многих домах в селе Передель под видом родственников жили подпольные раненые, выписанные из больницы. В больнице остались 16 тяжелораненых.

В десятых числах января 1942 г. А.Н. Мельникова, случайно подслушав разговор немцев, узнала, что всё село, в том числе и больницу, гитлеровцы намерены сжечь. После этого было решено спрятать раненых в церковной сторожке на краю села, возле кладбища. Ночью женщины на себе перетаскивали туда раненых, где и разместили их.

Вспоминала Нина Александровна: «За это время существования больницы никто из сотрудников не обмолвился, что у нас лечится не гражданское население, а военнослужащие, получившие ранения при защите Родины. Но впоследствии, особенно в момент наступления наших войск, немцы стали чаще заходить к нам в больницу и догадываться, что

Много с собой не возьмешь. Кое-что собрали, но получились тяжелые тюки. Летают немецкие самолёты. На улицах редко кто проедет. ...28. XII.1941 г. Мы выселены. Вчера в 1 ч. дня явилась немцы и приказали всем жильцам дома немедленно выбраться. Для устрашения стреляли из автомата (в пол). Вещи были у нас заранее упакованы, и мы через 3-4 минуты были уже во дворе с наружными санками и кульками в руках.

Много в Калуге людей, которые буквально голодают. Т. Отрокова на днях рассказывала о 2 медсестрах, начавших пухнуть от голода. Даже имеющие работу не гарантированы от этого. На деньги почти ничего достать нельзя съедобного. На базаре была, говорят, картошка по 4 руб. за килограмм, но и то быстро перестали продавать. Главным источником добычи продуктов является обмен. Далеко не в всех есть, что обменять; кроме того, приходится для этого идти в деревню: чем дальше от города, тем выгоднее можно поменять. Некоторые ходили за 25 километрами. Доктор Самофалов тоже голодал. Вера просит взять его и его жену с собой, если от нас кто-нибудь пойдёт в деревню... «Умерла Кондратьева, также старик Разин. Убит немцами священник Гречанинов (убит на кладбище, где совершал панхиду по усопшим). Убиты двое жильцов из бывшего дома Сокольских, ещё будто бы П. П. Соколов (в Черноском пере-

М.В. Устрялов с дочерью Ниной и сыном Лёвой. 1931 г.

здесь есть и военные, и стали подозревать нас в причастности к партизанам, которые к нам приходили. Мы им давали халаты, простыни, медикаменты, перевязочный материал. Заподозрив, что я и Мельникова делаем неугоду для немцев дело и, очевидно, за причастность нас к партизанам, в январе месяце, за несколько дней до освобождения села Передель, трое немецких автоматчиков пришли в больницу и забрали меня и Мельникову. Привезли к церкви, поставили к стене спиной. В этот момент из их разговора товарищи Мельникова уловила слова и тихо сказала: «Нина, нас привели расстреливать, а я не простилась с детьми. Их у неё было двое. Но вдруг среди немцев по неизвестным для нас причинам завязался спор, нас толкнули в снег, отступая от нас, что-то ругательски выкрикивая. В их выкриках мы услышали или нам послышалось: «Медсестры! и они ушли».

Из воспоминаний полковника, Героя Советского Союза Сергея Григорьевича Демьяновича: «В конце января 1942 г. путь нашего 664-го гаубичного полка проходил через село Передель. Здесь всё горело. Левее дороги, возле кладбища, выдвинулось удельнее кирпичное строение. Решил проверить, что в нём. Открыв дверь, увидел группу мужчин, которые оказались ранеными из санитарного эшелона. Со слезами на глазах они рассказали о женщинах, что спасли их и выходили в невыносимых условиях оккупации».

Затем Нина Александровна ушла на фронт, войну закончила в Берлине. После войны до семьи в селе Передель под видом родственников жили подпольные раненые, выписанные из больницы. В больнице остались 16 тяжелораненых.

10 мая 1986 г. в селе Передель были проведены торжества, посвящённые памяти Передельского подпольного госпиталя. В этот день в небольшом селе собрались живущие теперь в разных уголках страны спасённые и их спасители. После митинга на месте церковной сторожки был установлен мемориальный знак, свидетельствующий о самоотверженном подвиге русских женщин.

За совершенный подвиг по спасению сорока раненых А.Н. Мельникова и Н.А. Якимович приказом по войскам Западного фронта были награждены орденами Красной Звезды.

10 мая 1986 г. в селе Передель были проведены торжества, посвящённые памяти Передельского подпольного госпиталя. В этот день в небольшом селе собрались живущие теперь в разных уголках страны спасённые и их спасители. После митинга на месте церковной сторожки был установлен мемориальный знак, свидетельствующий о самоотверженном подвиге русских женщин.

В 1989 году Н.А.Соколовой за создание подпольного госпиталя в годы Великой Отечественной войны была вручена медаль имени Флоренс Найтингейл. Скончалась Нина Александровна в 2009 году.

Ночью при взрыве - Изотов с женой. ...Осколком бомбы, сброшенной сегодня немецким самолётом, убита дочь Пети Зевакина Ная, 14 лет. Она пошла во двор к колодцу за водой; в это время упала бомба (или 2), попавшая в дом на другой стороне улицы. Осколками убито Надю, женщину у ворот, а также в разрушенном доме есть убитые.

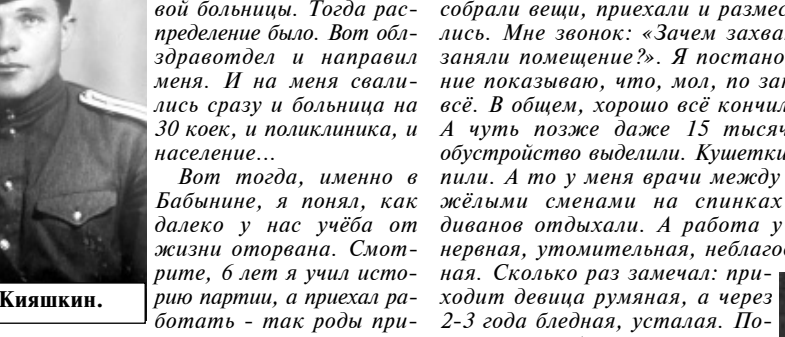
Наде осколок попал в правую сторону груди, судя по отверстию на пальто. Какое несчастье! Петья ещё не похоронен, и вот теперь новая смерть: 14-летняя девочка. Несчастная Александра Ивановна... Я пошёл к ним случайно в 12 часу и застал эту потрясающую картину.

Трудное теперь дело - похороны покойника. Возят на кладбище гробы на салазках своими силами. Мертвецов много, могильщиков мало, чуть ли один. По десятку дней не удаётся похоронить. Большинство копать могилы самостоятельно для своих умерших родных. Петья до сих пор не похоронен. Будут похороны одновременно с его дочерью, вероятно, ещё для чего 2-3.

Софья Николаевна Смирнова, наверно, тоже умерла. О ней известно, что 21 декабря, когда немцы выгоняли жителей из домов на улицах Салтыкова-Щедрина и Знаменской и поджигали дома, Софья Николаевна, не могущая идти, немцы поместили вместе с некоторыми другими людьми в бышую Знаменскую церковь. Дальше никаких сведений о ней нет...»

Вот привозит мне с утра мужик полупьяный женщину: «Посмотри, родила - не родила». Я стал смотреть, а там - выпадение ручки, ребёночек мертвый уже. Надо вытаскивать этот плод. Акушеры зянут, как это по частям ребёнка достаать. Так на следующий день этот же мужик привозит посетителей к роженице. А это четверо её детей, мал мала меньше. Вот и понимаешь, пойдёшь ты не так - 4 сироты, у всех искалеченные жизни. Потом стали адекватной врачей учить. А в Бабынине за 5 лет я посидел больше, чем на фронте. Как главный врач за всё отделение. Жена все эти нервы не выдержала и развелась со мной. А в 1962 году я принял Станцию скорой медицинской помощи. Она была такая бедная, что не описать. Находилась там, где сейчас Дом художников. Всего 3 комнаты. Помещение раннее принадлежало купцу какому-то, где он хранил крупу, рогожу и медик: в белах палатах, халатах, спарсят людей. Казалось, будто из другого мира они, где все светло, чисто и милосердно. А вообще-то мой отец был с медией связан, работал в учреждении здравоохранения. Стар-

Сергей Фёдорович Кияшкин, ветеран Великой Отечественной войны, главный врач Станции скорой медицинской помощи Калуги с 1962-го по 1985 год. «Про войну и вспоминать не хочется. На фронт был призван из 10 класса в 42-м году. Попал курсантом в 2-й пулемётный взвод пехотной роты. Воевали в Втором Прибалтийском фронте и здесь, под Смоленском. Представляете, мы, мальчишки по 18 лет, а максимум весит 64 килограмм, плюс сапоги, вся амуниция. Холод, голод, страшно, а мой - дедик совсем.

С.Ф. Кияшкин.

Один раз пролежал в окопе 12 часов краду - напротив меня мальчишке голову взрывом снесло. Тело на меня откинуло и сверху землёй присыпало. Ребята постарше кричат из соседнего окопа: «Не высывайся, перережи. А везде только оземь и взрычат». Не разберёшь даже, откуда кричат». Спрашиваю себя, зачем такое помнить. Только забыть - тоже как?

Знаете, столько лет прошло, а всё равно ощущаешь это непреходящее чувство усталости, зяб... И, пожалуй, голода ещё. Кормили-то 2 раза в день. Рано утром и после заката, а чтобы кухню не проехало было. Чтобы не разбомбили ещё. Вот однажды довели до нас целое ведро каши - в этот день наших много погибло. А мы такие голодные, молодые... Свела его - целое в четверть. Вот такая она была, война.

А может, война и роль свою сыграла в том, что врачом стал. Молодой был, смешиной, глупый ещё. Тут ужас, смерть. А где-то вдалеке медики: в белах палатах, халатах, спарсят людей. Казалось, будто из другого мира они, где все светло, чисто и милосердно. А вообще-то мой отец был с медией связан, работал в учреждении здравоохранения. Стар-

Екатерина Кирилловна Смирнова 59 лет (с 1946-го по 2005 год) работала в медицинских учреждениях Калуги.

«Общее-то мне в жизни много везло. Я из деревни Зуевка Кировской области. В 7 лет, когда у меня умерла мама, горько было. Запомнилось только, бабушка говорит: «Смирни-ка, Фиксус плачет». Это наша лошадка. Гроб в телеге на ней привезли. Я смотрю, а у неё слёзы, как у человека, капают. Отец тогда погоревал, а потом женился на молодой женщине. И повезло ведь, хорошая мачеха досталась - добрая. С нами ещё моя бабушка жила. Ни одной ссоры за 8 лет. Но вот я закончила восьмилетку и стала поступать в институт, но по возрасту не прошла. Поступила сначала на Медраб-фак (как подготовка к вузу). Работа с красным дипломом его закончила, в институте не получила отличной оценки. Я его закончила, уже война началась - в 41-м году. Нам последний год укороченным сделали, так как мы на фронте работали. И тут случилась история: у меня последний экзамен, приезжает отец. И говорит такую новость, что на жениха моего похоронка пришла. Как сейчас помню, дошла до темы «ящерица» и всё - дальше как туман. Экзамен-то, конечно, сдала, но вот без красного диплома из института вышла.

По распределению попала в Володугу, а отпущу - быстро совсем на фронт. На войне я была ординатором поезда 166. Он вывозил раненых из прифронтовой полосы в тыл для дальнейшего лечения. На поезде были начальники, замполит, начальники аптеки, АХЧ да я (тогда в звании старшего лейтенанта, а при увольнении мне уже капитана дали). Вся войну мы вот так раненых возили, а задуку ставили, чтобы выжили, вернулись в

Сибирь, в Томск. Холод, одежды на всех не хватало. Как их, больных, раненых, ослабленных, оставить ещё и мёрзнуть. Посовещались бригады поездов да и отделили все свои вещи. А как в Томск приехали, знаете, война войной, да жидна, молодость сильнее. В Томском театре «Пиковую даму» дают. У нас в поезде при бомбёжке все окна повывило. Его стоблеще на 3 дня поставили. Нам ждать надо. Вот так я в первый раз посмотрела «Пиковую даму».

На войне рано мудрееешь и жизнь чувствовать начинаешь, потому что не знаешь, в какую минуту уйдёшь. Помню, едем мы за ранеными, а над нами немецкий самолёт летит, как будто сопровождает. Ни вперёд, ни назад, чётко над нами. А поезд по рельсам - ни свернуть, ни спрятаться, и ехать надо. Уже несколько часов так поглядывали на него, а потом и бросили: расстреляет, так расстреляет. Только потом поняли, что он с задания летел, пустой был, а нас поугаать решил.

А одну историю я вспоминаю на каждый День Победы. Вообще - то помню многих своих раненых, их глазики, раны. Так вот приехали мы в Ленинград, на Московский вокзал, на погрузку. Там голод, знаете, жуткий. К нам женщины приходили. Мы сшили на батареях сухари от раненых, и если что-то ещё оставалось,

Стал ходить по учреждениям. Выбил в горькое постановление о переезде в новое помещение. Это где Станция скорой помощи и ныне располагается. Пришёл - а там всё занято. Сидят не то инженеры, не то строители какие-то. Мы ждали - так и не дождался, когда они съедут. Тогда решили так: ночью собрали вещи, приехали и разместились. Мне звонок: «Зачем захватом заняли помещение?». Я постановление показываю, что, мол, по закону всё. В общем, хорошо всё кончилось. А чуть позже даже 15 тысяч на обустройство выделли. Крушечки купили. А то у меня врач между тяжёлыми сменами на спинках от диванов отдышался. А работа у нас нервная, утомительная, неблагодарная. Сколько раз замечал: приходит девица румяная, а через 2-3 года бледная, усталая. Поэтому что работа на износ, смены...

Вот представьте, обслуживаем большую территорию. Выезжаем на травмы, несчастные случаи. А если с криминалом связано, то милицию, да всё оформление ждётся, иногда и час, и два пройдёт. А у кого-то инсульт или инфаркт, у ребёнка приступ крупы - человек погибнуть может. Вот и ругают все. Пришлось поднимать вопрос, чтобы лечебные учреждения на дежурства выдавали нам ещё дежурца с терапевтом. Но это появилось только где-то в 63-64-м годах. Тогда же появились первые специализированные бригады, например, педиатрические. До 63-64-го годов в машинах была белая, что не описать. Находились там, где сейчас Дом художников. Всего 3 комнаты. Помещение раннее принадлежало купцу какому-то, где он хранил крупу, рогожу и медик: в белах палатах, халатах, спарсят людей. Казалось, будто из другого мира они, где все светло, чисто и милосердно. А вообще-то мой отец был с медией связан, работал в учреждении здравоохранения. Стар-

Калуга. Немецкая фотосъёмка 12 октября 1941 г. Современная улица Ленина.

стало всего трюном - 8 фельдшеров со Станции скорой помощи пришли. Сколько тёплых слов! А у уж думал, что забыли обо мне - лет-то сколько прошло. Всем спасибо, что не зря всё было, что про нас помните».

Старались сохранить - им отдавать. И вот одна женщина говорит: «Посмотрите, может, есть у вас что. У меня дома четверо детей голодные». И в этот момент - взрыв недалеко, и куском поезда ей прямо в живот ударило. Травма, не совместима с жизнью. Мы, конечно, ей сразу перепомощь оказали. В госпиталь отправили. А самим надо уезжать. На следующий рейс - я её искать, расспрашивать. Никто ничего не знает. Я каждый День Победы её вспоминаю - вдруг все-таки выжила. А моя жизнь. Моему сыну, что сейчас стивая. Дочку вырастила, внучка была брошена. Каждое действие, каждое усилие. Вот мы едем в Ленинград, а совсем перед нами мост нем-

цы взорвали. Ещё, конечно, была «Дорога жизни», но какое там движение, совсем страшно. Нам надо ехать, вывозить людей. Так вот кто-то из солдат и местные собрались, по советовались. Пришли и говорят: «Через день мост восстановим. Поедет». Это же какая сознательность, упорство. Всего за день мост восстановили - невероятное дело. Но ведь этот день многим раненым жизни может стоить. И, знаете, как-то не смогли они его восстановить. Сказали - через день поедете, через день и поехали.

Конце войны мы в Бресте встретили. 8 мая. Погода ясная, всё цветёт. Сама природная, радуетесь вместе с нами. Когда про победу и окончание войны объявили, люди высочили - смеются, плачут, обнимаются все - и знакомые, и незнакомые. Так в нашем поезде надобность отпала. Фронта нет. Раненых уже везти никому не надо.

Я ещё, правда, как военнопленная служила ещё в Беломорском военном округе до ноября 46-го. А по плану по вызову своего суминаю - вдруг все-таки выжила. А моя жизнь. Моему сыну, что сейчас стивая. Дочку вырастила, внучка была брошена. Каждое действие, каждое усилие. Вот мы едем в Ленинград, а совсем перед нами мост нем-

Центральный телеграф г.Калуги после освобождения города. Современная ул. Тетрадная, 38. Январь 1942 г.

